

вокруг досуга

ТЕАТР С БОЛЬШОЙ ПОЛЯНКИ

Здесь не спрашивают у входа «лишнего билета», в конце сезона не вывешивают объявление «театр уехал на гастроли». Но нет и недостатка в зрителях.

— Шел мимо и увидел объявление. «Театр-студия объявляет прием... Художественный руководитель В. Д. Перетокин». И адрес — Большая Полянка, 33. Несколько дней почему-то все время вспоминал о нем. А потом пришел и... меня приняли.

Это говорит Олег Климовский, учащийся ПТУ № 55. В студии уже 2 года.

— Знаете, так бывает очень редко: мне сразу стало легко здесь, в этом новом коллективе, — продолжает он. — К чужим, незнакомым людям обычно долго привыкаешь. Но у нас в студии новичков встречают по-доброму, как своих.

Их учили двигаться на сцене, говорить, чувствуя текст, петь, танцевать, шутить, быть вежливыми и внимательными друг к другу, чуткими и отзывчивыми. А за чаем болтали обо всем на свете. Иногда приходили кто-нибудь из ребят и сообщал, что «выселили старый дом», и все отправлялись за брошенной старинной мебелью, люстрами, шторами для спектаклей. И фантазировали: этот стул как будто из пьес Островского, да, наверное, он ведь жил здесь, совсем недалеко, а этот шкаф, мрачный и таинственный, как будто из «Преступления и наказания» Достоевского...

И каждый новый вечер был для Олега, других ребят из студии открытием. Он открывал новое в ребятах, которые приходили сюда, на Большую Полянку, в их отношениях друг с другом.

Двадцать восемь подростков на учете в детской комнате милиции и пятьдесят один человек

таких, за которых в милиции побаивались. (Теперь, заметив в скобках, на учете в инспекции по делам несовершеннолетних 1—2 подростка, не больше). Анна Петровна Макарова, секретарь парторганизации ДЭЗ работает здесь уже много лет подряд. Она помнит, как ДЭЗ № 1 Октябрьского района не везло с педагогами-организаторами. Один пьянствовал, когда в одиночку, когда с ребятами, другой совсем ничего не делал. Увольнения следовали одно за другим. По работе с детьми ДЭЗ считалась одной из худших в Москве.

И тогда, а было это в 1978 году, на Большой Полянке появился Виктор Данилович Перетокин. — Мы ему как-то сразу поверили, — вспоминает Анна Петровна. — Инициативный, увлекающийся, он показался человеком, который сможет нам помочь. И мы не ошиблись.

Ясно было, что ребят необходимо занять, заполнить пустоту и бесцельность их свободного времени. Перетокин закончил режиссерский факультет ГИТИСа, и в парторганизации решили попробовать создать театр-студию.

Сложностей было много. Не выделяли помещение. Но Анна Петровна снова и снова обращалась в райком, райисполком, ПЖРО. И помещение дали. Две комнаты на первом этаже старинного дома — Большая Полянка, 33. Вначале Виктор Данилович просто знакомился, разговаривал с ребятами: присматривался к ним. Пили чай с печеньем, конфетами. Ему хотелось, чтобы они привыкли приходить сюда, привыкли к мысли, что их здесь ждут, что здесь они нужны. Что это — их клуб, их дом, если хотите. Они приходили: кто из любопытства, кто от нечего делать, кого приводи-

ли родители. И чем лучше Перетокин узнавал их, тем больше убеждался, что многим из них не хватает тепла и внимания. Никакие не «трудные». И вообще, бывают ли легкие подростки?! Но только ими нужно заниматься, многому учить их, многое объяснять.

— Например, — вспоминает Виктор Данилович, — два года назад пришли в студию Женя Половцев и его двоюродный брат Лева Лапшин. Жене тогда было 15 лет, Лева — 16. Очень разные, но оба непростые. Выпивки, драки, несколько приводов в милицию. В студии им как-то сразу понравилось: ездили они издали: Женя из Очакова, Лева из Солнцева. Я стал присматриваться к ним. Женя — мягкий, доверчивый, легко поддается чужому влиянию. С ним было проще, у нас в студии он сразу почувствовал, что у ребят, с которыми он теперь общался, — другие интересы, ценности. что теперь он как бы попал в другой мир. Лева на Женю не похож совершенно. Самоуверенный, с незнакомыми людьми он говорил с оттенком презрения. Очень начитанный. Авторитетов не признавал никаких. Школу закончил плохо, с плохой характеристикой. Но Лева очень любит литературу, мальчик увлекающийся. Я сумел заинтересовать его нашими постановками, тем, что рассказывал о театре, об искусстве. Сейчас он мечтает поступить на режиссерский факультет культпросветучилища, потом в Институт культуры. А пока ребята работают на заводе игрушек «Кругозор». И работают, я знаю, хорошо.

...Начались репетиции. Чтобы ребятам было интереснее и проще, Виктор Данилович выбирал веселые и смешные сценарии. На

репетициях всегда было много народу и тоже весело. Всем находилось занятие — вечерами в студии рисовали декорации и писали объявления, пели, танцевали, оборудовали операторскую, шили занавес, расширяли сцену: она была совсем крошечная. И все сами. Готовили концертные программы — смешные, сатирические сценки, интермедии, отрывки из оперетт, танцы, песни, кстати, вокально-инструментальный ансамбль студии исполняет только русские и советские. Сейчас ребята готовят две большие вещи. Одна написана специально для театра-студии на Большой Полянке однокурсником Перетокина Василием Устюжаниным. Герой пьесы «Зеленая улица» — восьмиклассник, который хочет пойти учиться в ПТУ. Но родители против. Вторая пьеса А. Ольшанского «Гибель Алмазова» о революции.

— Вы не представляете себе, как важен для нас контакт с парторганизацией, как важна для меня их моральная, ну, и материальная, конечно, поддержка, то, что они меня понимают и верят мне, — говорит Виктор Данилович. — И, конечно, их помощь. Ну, например, репетиции — дело шумное. А над нами живут люди, людям, которым мы иногда мешаем. Они жалуются, и, если бы не Анна Петровна, не знаю, к чему бы все это привело. Под нашей студией есть огромный подвал. Там раньше был склад спортивного инвентаря. Парторганизация и администрация ДЭЗ обратилась три года назад в ПЖРО с просьбой отдать помещение подвала нам. Но им отказали. Они обращались снова и снова, и сейчас подвал все-таки наш. Шумные репетиции проводятся там.

Я рассказываю Анне Петров-

не, как в одном из ДЭЗ Москвы секретарь парторганизации сказал мне, что парторганизация воспитательной работой с детьми и подростками не занимается. Вот есть у них подшефная школа, где они проводят уроки мужества, а так...

Потом я разговаривала с ребятами из того ДЭЗ. Просто останавливала на улице и спрашивала, как они проводят свое свободное время. И они сами предложили: «Пойдемте, посмотрите». Мы пошли к одному из подъездов современного дома. Ребята лет 14—18 сидели под дождем на мокрой скамейке, курили, брэнчали на гитаре, смеялись. Было холодно и скучно. «Попозже народу больше соберется — шумно, жильцы опять милицию вызовут. Знаете, в кино показывают: подъезд, ребята пьют, курят, играют в карты — шпана. Про нас. Про таких, как мы. А что делать?» Несколько лет назад у них был ансамбль: они пели, сами сочиняли музыку, стихи. Но не было помещения для репетиций. Ребята просили помочь им, обращались к педагогу-организатору, в ДЭЗ. «Только никому до нас дела нет».

Анна Петровна слушает меня, потом молчит, задумывается.

— Вы знаете, все дело, наверное, в равнодушии. В равнодушии ко всему, что не касается их самих, даже к детям. Но как исправить это? Можно научить ребенка не быть равнодушным, но взрослого...

В студии беспорядок. Старинная мебель завалена объявлениями: «Театр-студия... Художественный руководитель В. Перетокин... Подростки по рекомендации детской комнаты милиции принимаются вне конкурса...».

И. ФЕДОРОВИЧ.